

САБАБА

детектив

ДАВИД КОН

ПОСЛЕДНИЙ
РЯД,
МЕСТО 16



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4(569.4)
ББК 75(4Изр.)-44
К64

Кон, Давид.

К64 Последний ряд, место 16 / Давид Кон. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Сабаба-детектив. Особый отдел полиции).

ISBN 978-5-04-187075-1

Место просто идеальное. Во-первых, в определенное время здесь наступает крошечная тьма. Во-вторых, здесь масса людей, любой из которых гипотетически может быть исполнителем. И в-третьих, мощные сабвуферы, от звука которых содрогаются стены, с легкостью заглушат любой посторонний звук. Даже выстрел.

Поэтому убийца и выбрал кинотеатр.

Зритель в последнем ряду был убит выстрелом в самый разгар сеанса. Им оказался Антон Голованов, российский журналист, приехавший в Израиль расследовать мутные делишки некоего бизнесмена Михайлова.

Следователь полковник Лейн запросил баллистическую экспертизу. Результаты показали, что выстрелить в Голованова могли только с двух кресел в зале. Зритель, сидевший на одном из них, оказался очень непростой персоной...

УДК 821.161.1-312.4(569.4)
ББК 75(4Изр.)-44

© Кон Д., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-187075-1

1

— Будет пустой зал. И это понятно. Если в фильме нет моря крови, мускулистых героев, летающих на своих плащах, взрывов и голых задниц, никто не придет его смотреть. Даже если фильм замечательный. И поставлен великим мастером.

С этими словами Клара Дворкин, билетер кинотеатра Сипетах в тихом районе Иерусалима Рамат-Эшколь¹, оторвала корешок от билетов немолодой пары и с вызовом взглянула на коллегу Лизу Зальцман, проверявшую билеты у соседних дверей.

— Причем по нынешним временам совершенно неважно, — строго глядя поверх очков, добавила Клара, — мужские это задницы или женские. И это — самое ужасное.

Кларе Дворкин было пятьдесят восемь лет, и она не сомневалась, что жизненный опыт, неуклонное следование установленным правилам и когда-то усвоенным

¹ Рамат-Эшколь — Высоты Эшколя (*иврит* לוחשא תמר). Первый район, построенный в Восточном Иерусалиме после Шестидневной войны и разминирования территории. До войны по этому району проходила граница между Израилем и Иорданией. Назван в честь третьего премьер-министра Израиля Леви Эшколя (с 1963 по 1969 год), родившегося в 1895 году в местечке Оратов Киевской губернии Российской империи под именем Лев Иосифович Школьник.

нормам дают ей право учить жизни всех, кого она считала «новым поколением», а значит, людьми неразумными, пустыми и легкомысленными, — своих дочерей, внуков, соседей и, конечно, коллегу Лизу, которой только исполнилось двадцать пять. Да что там, право! Это ее обязанность. Как и любого нормального человека. Если нынешнюю молодежь не учить, она такое натворит! Собственно, уже натворила. Своей неумной тягой к этим ужасным компьютерам и отвратительному интернету они разрушили все, что было дорого любому нормальному человеку. Возможность общаться, глядя друг другу в глаза, а не на фотографию, дружить по-настоящему, а не в социальной сети, писать друг другу нормальные, теплые, живые, а не электронные письма. А что они читают, какую музыку слушают, какие фильмы смотрят?! Нет, если так будет продолжаться, мир просто рухнет. Цивилизация не выдержит такой атаки людей, неспособных ни думать, ни сопереживать ближнему. Вступая в очередной спор, Клара ощущала себя защитницей цивилизации, героем, готовым отхлебнуть волшебного зелья, взвиться над толпой и повести за собой армию эльфов на город, захваченный гоблинами¹.

Но Лиза, слывшая заядлой спорщицей и даже отчаянной головой, не была готова безоговорочно принимать наставления. На ее лице появилось утливое, но вместе с тем упрямое выражение. «Ну почему? — с тоской думала она. — Почему к этой работе, за которую платят гроши, к отсутствию перспективы и постоянному стоянию на ногах должна прилагаться эта старая гримза со взглядами из позапрошлого века?» Почему бы провиде-

¹ Гоблины, эльфы — злые (гоблины) и добрые (эльфы) персонажи западноевропейской мифологии, использованные позже многими писателями-фантастами.

нию не дать ей в напарницы веселую девчонку, с которой можно было поговорить о музыке и о литературе, а не о том, как плохо все вокруг устроено и как научный прогресс портит людей?

— Во-первых, сеанс дневной, — рассудительно произнесла она, улыбаясь молодому человеку, который одной рукой протягивал ей билеты, а другой обнимал симпатичную блондинку в ярком плаще. — Кто пойдет в кино во вторник в два часа дня? Во-вторых, ты меня извини, Клара, но Рикафен, хоть ты и считаешь его гением, не тот режиссер, на которого люди должны валить валом. Я дважды начинала смотреть его «Землян» и оба раза выдерживала только до десятой минуты.

Лиза украдкой взглянула на Клару из-под длинных наклеенных ресниц. В ее глазах светилось лукавство. Казалось, ей доставляет удовольствие возражать напарнице и наблюдать, как по мере беседы плечи Клары опускаются, укорачивая ее и без того непропорциональную фигуру, а на лице появляется выражение страдания, будто слова напарницы доставляют ей физическую боль.

Клара действительно была расстроена. Вот они, нынешние веяния. «Земляне»! Фильм об отношениях людей. Совершенно разных. Мальчика-калеки, оставшегося без родителей, и немолодой проститутки, мыкавшей всю жизнь по притонам. Там же все до слез. На пределе. До дрожи. А Лиза, кстати не самая глупенькая из представителей нынешней молодежи, выдерживала только до десятой минуты. Куда катится мир?!

Клара Дворкин поджала губы и отвернулась от коллеги, наблюдая, как молодой человек в спортивном костюме и синей бейсболке с большим козырьком вывозит из черного минивэна, остановившегося у тротуара, инвалидную коляску. Но оставлять последнее слово за Лизой она не собиралась.

— «Земляне» — сложный фильм для восприятия. — Клара чуть не сказала «простого человека», но сдержалась. — Но «Прекрасная дама мистера Крауна»... Это же такой фильм... С такой тонкой психологией... Я не сомневалась, что у нас будут полные залы. — Клара коротко взглянула на напарницу и твердо закончила: — В том числе и на дневных сеансах.

После этих слов Клара повернулась к Лизе спиной, давая понять, что не намерена продолжать дискуссию. Молодой человек уже вывез коляску из машины, заботливо поправил клетчатый плед, которым был накрыт сидящий в коляске инвалид в такой же, как и у него, синей бейсболке, и пошел к кинотеатру.

«Она действительно волнуется. И злится всерьез, — думала Лиза, не сводя глаз со спины Клары. — Ничего не поделаешь. Это все последствия ее жизни в Советском Союзе. Остатки коммунистического прошлого. Тяжелое наследие тоталитарного режима. Все их поколение не умеет относиться к тому, что происходит вокруг, легко. Вечная борьба. Покой им только снится. Так их воспитывали». Лиза решила пойти на мировую.

— Времена тяжелые, — вздохнула она, словно желая оправдать свою позицию. — Посмотри, что в мире творится. Эпидемии, войны, террор. Вулканы всякие извергаются. Людям нужны легкие фильмы. Чтобы просто смотреть и ни о чем не думать. Не разбираться во всех этих психологических нюансах.

Клара вздрогнула. Вот он, корень всех зол! Ни о чем не думать! Это ключевая проблема. Они не хотят думать. И не умеют. Вот особенность сегодняшней молодежи. А их поколение этому учили. Начиная с самого детства. Учили думать. И принимать решения. И брать на себя ответственность.

— Боевики? — скривилась Клара, вложив в это слово все доступное ей презрение.

— И боевики тоже. — Лиза уже была не рада, что продолжила спор. — В них, по крайней мере, все понятно. Где свои, где чужие. И свои всегда побеждают.

— И голые задницы? — Клара продолжала гнуть свою линию прежним резким тоном. — Там тоже все ясно. Где свои и где чужие.

— И они тоже. — Лиза протянула руку и взяла билет у очередного зрителя. — Голые задницы всегда пользуются спросом.

Очередной зритель удивленно взглянул на Лизу, взял у нее билет и вошел в фойе. Клара собиралась рассказать Лизе все, что она думает о людях, у которых пользуются спросом голые задницы на экране. Она уже набрала воздух в легкие, но тут...

— Простите!

Клара и Лиза повернулись одновременно. Полный невысокий мужчина средних лет в темном пиджаке и серой водолазке приподнял над бритой головой старомодную шляпу с черной лентой и протянул Кларе свой билет.

— Простите, — повторил он, указывая пальцем на какую-то строку в билете. — Где этот зал?

— На какой фильм у вас билет? — строго спросила Клара, даже не взглянув на указанную строку.

Бритоголовый вроде как обиделся. Метнул на Клару гневный взгляд и прижал шляпу к груди, будто кто-то собирался ее отнять.

— На «Прекрасную даму», разумеется.

Клара просияла и бросила победный взгляд на Лизу. Вот, дескать, взгляни, какие люди ходят на фильмы Рикафена, — думающие и интеллигентные.

— Зал номер три, — сказала она голосом доброй бабушки, предлагающей внуку сладкую кашу. — Это здесь, на первом этаже. Прямо перед вами.

Мимо нее проехала инвалидная коляска. Везущий ее молодой человек задел колесом дверной проем, про-

изнес: «Простите» — и протянул Кларе два билета. Клара кивнула, оторвала полоски контроля и вернула билеты.

— Проходите, пожалуйста!

Молодой человек коротко кивнул и повез коляску в зал. Бритоголовый еще раз поклонился Кларе, произнес: «Благодарю вас!» — и пошел в сторону буфета, около которого толпились немногочисленные зрители. Одни из них пили кофе за столиками, другие отходили от буфетной стойки с объемными ведерками с попкорном. Прозвучал звонок.

— Пожалуйста, в зал! — провозгласила Клара громким голосом человека, уполномоченного поддерживать общественный порядок. — Сеанс начнется через четыре минуты.

Буфетчик заторопился, его руки задвигались быстрее. Впрочем, очередь не развалилась. Зрители не собирались нарушать свои планы по покупке попкорна, кофе и булочек. Только стали чаще оглядываться на двери зала: не закрыли ли их? Другие зрители, сидевшие за столиками и в расставленных вдоль стен креслах, потянулись к залу.

Бросив короткий взгляд на часы, Клара заперла свою дверь, оставив возможность опаздывающим зрителям входить через дверь, у которой стояла Лиза, и тоже пошла в зал. Зрители искали свои места и занимали их, громко переговариваясь. Клара обвела печальным взглядом пустые ряды кресел, еще раз посмотрела на часы и повернула выключатель. Свет погас. Лиза приняла билет у запоздавшего зрителя — молодого парня в темно-сером костюме и светло-голубой рубашке. На голове у парня была бейсболка со странной надписью: «Русские ведомости в Израиле». Он выхватил свой билет из руки Лизы и почти бегом бросился к залу, вытирая на ходу пот со лба большим белым платком.

На экране замелькали первые кадры рекламного ролика. Парень в сером костюме быстро прошел через весь зал и сел в середине последнего ряда.

Последним в зал вошел бритоголовый мужчина. Выглядел он очень неловко: шляпа на самой макушке, в руках большое ведро с попкорном и картонный стакан с кока-колой. Клара закрыла за его спиной тяжелую дверь зала. Бритоголовый постоял у порога, давая глазам привыкнуть к темноте, затем осторожно сделал шаг. Клара взяла его под руку и зажгла свой фонарик, светя себе под ноги. Бритоголовый коротко кивнул ей в знак благодарности. Он сделал шаг, потом еще один, но зацепился за что-то ногой и, громко вскрикнув, рухнул на пол, едва не утащив за собой Клару. Она вовремя отпустила локоть бритоголового, замахала руками и с трудом удержалась на ногах. Ведро с попкорном полетело к первому ряду, шляпа покатила по проходу, стакан с кока-колой шмякнулся об пол и лопнул по швам, расплескивая вокруг себя сладкую жидкость.

Зал ахнул. Зрители вскочили со своих мест, пытаются рассмотреть, что же произошло. Клара вскрикнула и вцепилась обеими руками в плечо упавшего человека.

— Господи! — воскликнула она. — Что с вами?!

Бритоголовый лежал не шевелясь. Кларе стало не по себе. Не убился ли этот человек на ее глазах? Да что там на глазах. Она держала его под руку. Потом иди доказывай, что не ты его толкнула.

— Вы живы? — чуть не плача спросила она.

Бритоголовый зашевелился, приподнялся на локте, перевалился на бок и сел на пол, брезгливо оглядывая собственный пиджак, залитый кока-колой. Он чуть не плакал.

— Боже мой, почему я такой неуклюжий?

Несколько зрителей из первых рядов бросились к нему на помощь. Один подал шляпу, двое других по-

могли подняться. Бритоголовый благодарил, коротко кивал головой и беспрестанно повторял: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!» Он с ужасом смотрел на озеро кока-колы на полу и на тонущий в этом озере попкорн.

— Что я наделал! — прошептал он, повернулся к Кларе и схватил ее за руку. — Простите меня, простите, ради бога. Я сейчас все исправлю. Только где мне взять швабру?

Он суетился, вскрикивал, махал руками, пытаясь еще и еще раз отряхнуть брюки и пиджак, и явно чувствовал себя очень неудобно под взглядами всего зрительного зала.

— Не беспокойтесь, мой господин, — Клара попыталась успокоить его. — Садитесь на свое место. Я все сделаю сама.

— Ну как же, — попытался возражать бритоголовый. — Это ведь моя вина. Я сейчас... Сейчас... Только позвольте.

— Успокойтесь и сядьте, — голос Клары приобрел жесткость. — Главное: вы в порядке? Руками и ногами шевелить можете? Кровь нигде не идет?

Бритоголовый осмотрел собственные руки, подвигал ими, ощупал лицо, переступил с ноги на ногу.

— Вроде все в порядке.

— Садитесь! — скомандовала Клара и вышла из зала. Но тут же вернулась со шваброй, совком и ведром. Зрители расселись по местам. Бритоголовый шел к своему креслу под десятками взглядов, поминутно оглядываясь на Клару, уверенно орудовавшую шваброй. Несколькими движениями она собрала кока-колу и размякший попкорн в ведро, протерла место происшествия тряпкой и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Уже выходя, она заметила, что на экране пошли первые титры фильма.

— Что там? — поинтересовалась Лиза.

— Человек упал. Зацепился в темноте за что-то. Ужас! Кока-колу разлил, попкорн рассыпал.

Лиза покачала головой, а Клара продолжила возмущаться:

— Почему нельзя войти в зал вовремя? Пока горит свет. Почему все надо делать в последнюю минуту?

Она хотела добавить что-то о современных нравах и несовершенстве мира, но вспомнила, что ошибку допустил любитель фильмов Рикафена и промолчала. Лиза заперла входную дверь.

— Все! Можем отдохнуть. Следующий сеанс через сорок минут. В пятом зале. Пойду где-нибудь присяду. Ноги гудят.

Лиза вопросительно смотрела на Клару, ожидая, что сослуживица присоединится к ней. Но Клара кивнула на дверь в зал номер три.

— Я зайду. Хочу еще раз начало посмотреть. Там такие отношения, так все снято. Если кто-то будет искать, я сию в первом ряду.

Лиза пошла в сторону буфета, а Клара приоткрыла тяжелую дверь и проскользнула в зал. Два десятка людей, сидящих в разных концах большого зала, не сводили глаз с экрана, на котором главный герой в исполнении Тиля Швайгера одевался, собираясь перебраться через Берлинскую стену.

Еле слышно ступая и не сводя глаз с экрана, Клара подошла к первому ряду и села, предвкушая, что сейчас она увидит сцену погони за героем восточногерманских пограничников, в результате которой он будет ранен и чудесным образом спасен прекрасной незнакомкой, которая останется в Восточном Берлине, окажется в застенках «Штази» и исчезнет из его жизни на долгие годы. А он будет искать ее, преодолевая все препятствия и даже пытаясь вернуться в ненавистный ему коммунистический Восточный Берлин. На глазах у Клары зара-

нее появились слезы, хотя главный герой только садился в машину, чтобы отправиться на Муленштрассе. Она отчаянно завидовала всем этим людям, сидящим за ее спиной. Они смотрели фильм впервые и еще не знали, что произойдет буквально в следующую минуту.

Вот герой вышел из машины, накинул на голову капюшон и пошел вдоль стены. Клара вцепилась пальцами в подлокотник кресла, хотя прекрасно знала, что сейчас его заметят и начнется погоня.

Прозвучал первый выстрел. Пуля царапнула плечо. Крупный план раны. Герой пошатнулся, его рука взметнулась к небу. Глаза крупным планом. Он уже понял, что ему не перебраться через стену. Он хочет вернуться к машине, но звучит еще один выстрел. И еще. О господи, какие у него глаза! Все-таки Швайгер — гений. Не говоря уже о Рикафене. Клара не сводила глаз с экрана. Герой еще пытается бороться. Путь к машине отрезан. Значит, он должен добраться до стены. Герой рванулся вперед. Сцепил зубы и сжал кулаки. Он выполнит свой замысел!

— Хочу домой! Это плохое кино! Стреляют! В людей!

Крик раздался откуда-то сзади. Клара на мгновение замерла от возмущения, затем резко обернулась. Инвалид, сидевший в коляске, испуганно закрывал лицо руками и мотал головой. Его явно пугало то, что происходило на экране. Сопровождающий инвалида парень в спортивном костюме что-то шептал ему в самое ухо. Но инвалид продолжал мотать головой.

— Не хочу! — громко крикнул он. — Не хочу ждать. Плохое кино. Я боюсь.

Другие зрители начали проявлять нетерпение. Сначала они просто оборачивались на шумного инвалида, цокали и качали головой. Потом кто-то предложил молодому человеку вывезти инвалида из зала. Но молодой человек никак на это не отреагировал. Клара взглянула

на экран. Герой наконец встретился с героиней. Она схватила его за руку и потащила туда, где был известный только ей проход через стену. Господи, как она смотрит на него. А он, раненый, с трудом разбирает черты ее лица. Все мутно и неясно, кроме пронзительных голубых глаз. Это надо видеть! Это же Рикафен. Здесь столько полутонов. Во всех этих взглядах и прикосновениях. Здесь столько смысла. А все смотрят на этого безумного инвалида. Черт бы его побрал.

— Не хочу! — выкрикнул инвалид. — Плохое кино!

Ропот зрителей усилился. Сопровождавший инвалида молодой человек поспешно вскочил, натянул свою бейсболку и покатил коляску к выходу из зала. Инвалид кивал головой и повторял, как заведенный болванчик: «Да, да, да. Домой, домой». Клара вскочила с места и открыла перед ними дверь зала. Парень благодарно кивнул и вывез коляску в фойе. Клара с ужасом заметила, что с сиденья коляски на пол льется тонкая струйка. «Господи! — подумала она. — Да он обмочился, этот несчастный инвалид». Но протирать пол она будет после сеанса. Она не станет отвлекать читателей Рикафена в такой важный момент. Клара плотно закрыла дверь, задернула черную занавеску и вернулась на место.

Героиня зажала платком простреленное плечо героя. Он держит ее за руку, касается ее губами. Сейчас они поцелуются. Сейчас. Сейчас. А потом она поможет ему перебраться через стену и будет арестована, а он окажется в новом мире, но не сможет выбросить из головы образ этой незнакомки. И будет стремиться назад, в мир, из которого бежал. Какие душевные муки будут его одолевать, какие страсти будут им владеть! Как повезло этим людям, что они смотрят этот фильм в первый раз!

Вот. Их губы все ближе и ближе. Сейчас. Еще секунда.

Грянул выстрел. Вскрикнула какая-то женщина. В первую секунду Клара даже не сообразила, что произошло. Какой выстрел? При чем тут выстрел? Они же целуются! Не было в этот момент никакого выстрела!

И тут же ее душу обуял леденящий ужас. Она поняла: стреляли не на экране, а в зале. Перепуганная Клара резко развернулась. В зале отчетливо запахло порохом. Люди в зале зашевелились, начали оборачиваться.

— Что такое? Что это было? — с истерическими нотками выкрикнул женский голос.

— Кто-то есть под креслами! — крикнул другой женский голос.

— Это выстрел. Включите свет.

Зрители вскочили с мест.

— Остановите фильм!

— Включите свет!

— Это выстрел! Кто стрелял?

— Это террорист. Сейчас нас всех убьют!

Клара поняла, что должна действовать. Она бросилась к выключателю и резким движением повернула его. В зале вспыхнул свет. Кто-то из зрителей сидел, в ужасе вжавшись в кресло, кто-то стоял, но все оглядывались и оборачивались, пытаясь понять, что произошло. Клара обвела зал взглядом, и из ее груди вырвался громкий крик.

Молодой человек в темно-сером костюме, сидевший в последнем ряду, сполз со своего кресла, и только подлокотники удерживали его тело от падения. Пиджак молодого человека был растегнут, а на груди, на нежно-голубой сорочке, расплылось большое кровавое пятно. Его голова лежала на плече, открытые глаза смотрели вдаль, ничего не видя. На полу валялась слетевшая с головы бейсболка с надписью: «“Русские ведомости” в Израиле».

Зрители бросились к выходу. В зал заглянула Лиза, привлеченная шумом и звуком выстрела.

— Вызови сюда директора! Срочно! Вызови полицию и «Скорую помощь». И никого не выпускай из кинотеатра.

— А что случилось?.. — начала Лиза, но Клара грозно махнула рукой, и напарница выскочила за дверь.

— Есть здесь врач? — крикнула Клара, бросаясь к последнему ряду. — Человек ранен.

Зрители на мгновение прервали свой дружный исход из зала, остановились и закричали:

— Врач!

— Нужен врач!

— Вызовите скорее врача!

— Есть здесь врач?

— Я врач!

Бритоголовый толстячок, на брюках и пиджаке которого все еще темнели следы пролитой кока-колы, выбрался со своего места в двадцать первом ряду. Он вышел в проход, разделяющий зал на две части, и встал во весь рост.

— Я врач! Правда, только косметолог, но у меня диплом...

— Какая разница? — крикнул кто-то из зрителей. — Осмотрите этого парня. Может быть, ему можно помочь.

Осторожно ступая по паркету, бритоголовый дошел до последнего ряда. Взял молодого человека за руку и попытался нащупать пульс, приподнял веко, попытался нащупать биение пульса на шее. Сгрудившиеся вокруг зрители молча наблюдали за его действиями. Наконец доктор тяжело вздохнул, повернулся и пожал плечами.

— Ему уже ничем не поможешь. Он мертв.

2

— Что за ерунда?! Что за глупая и нелепая ерунда?!

Заместитель начальника Следственного управления уголовной полиции Иерусалима полковник¹ Габриэль Лейн поднял тяжелый взгляд на подчиненных. Во время доклада об убийстве в кинотеатре Сипетах, который делал руководитель оперативного отдела майор² Моше Ригер, полковник прохаживался вдоль окон своего просторного кабинета на втором этаже Штаба иерусалимской полиции. Штаб состоял из нескольких зданий, обнесенных высокой стеной в иерусалимском районе, который назывался Русским подворьем. Из окон кабинета полковника была видна проходная у центрального въезда на территорию Штаба, часть узкой улицы Израэля Зморы³ и купола собора Святой Троицы на площади Москвы.

Перемещения полковника по кабинету явно напрягали четверых мужчин и женщину, сидящих по одну сторону длинного стола для совещаний. Они внимательно наблюдали за полковником Лейном, периодически переглядывались, словно задавая один другому немой вопрос: «Что это он мечется?» На десятом проходе вдоль окон полковник заметил эти удивленные взгляды и, выждав момент, когда докладчик замолчал, переводя дух, вернулся к своему столу. Он отодвинул кресло,

¹ Полковник — звание в полиции Израиля называется «Ничав-мишне» (*иврит* הנשמ-בציון), что примерно соответствует армейскому званию полковник.

² Майор — звание в полиции Израиля называется «Рав-пакад» (*иврит* דקפ-בר), что примерно соответствует армейскому званию майор.

³ Израэль Змора — еврейский писатель, переводчик и издатель. Родился в Бесарабии в 1899 году. Скончался в Тель-Авиве в 1983 году.

но перед тем как сесть, поднял голову и задал вопрос о «глупой ерунде». Причина нервозности полковника прояснилась, и сидящие за столом мгновенно отвели взгляды, явно не желая на этот вопрос отвечать. Полковник выждал несколько секунд, сел в кресло и бросил лежащую перед ним авторучку в деревянный стакан с карандашами.

— Что за ерунда? — повторил он гораздо более спокойным тоном. — Стрелять в зале кинотеатра. Это же нелепо. Глупо. Можно ли придумать что-то более нерациональное?!

Полковник Габриэль Лейн больше всего на свете ценил порядок и рациональность. Он был убежден, что, если бы все люди придерживались установленных правил, на свете не было бы не только преступников, но и несчастных людей, все беды которых происходят от нежелания рационально определять свои жизненные приоритеты. Эта убежденность делала полковника Лейна образцовым стражем порядка. Подчиненные души в нем не чаяли и называли между собой «комиссаром Габи». В этом прозвище, с одной стороны, было прямое указание на легендарных героев нашумевших итальянских фильмов, мужественно сражавшихся с всемогущей мафией, с другой — намек на то, что придет время, и именно полковник Лейн возглавит всю полицию Израиля. Или как минимум Иерусалимский округ. Руководство также считало Габриэля Лейна прирожденным полицейским, родившимся сорок два года назад со свистком во рту и служебным жетоном офицера уголовной полиции в розовой ручке. Родные полковника с такой точкой зрения были согласны далеко не во всем. Семнадцатилетняя дочь полковника Алина после попытки отца составить для нее детальное расписание жизни начала называть его «неисправимым педантом и буквоедом», а бывшая жена Дана Лейн,

вернувшая после развода девичью фамилию Шварц, — «занудой, способным испортить жизнь всем, кто его окружает».

Убийство в зале кинотеатра было в глазах полковника не просто тяжким преступлением, но и категорическим нарушением всех установленных правил, согласно которым убийства должны совершаться в безлюдных и желательно темных местах, а не в залах кинотеатров во время сеанса в присутствии двух десятков свидетелей.

Моше Ригер был единственным, кто не отвел глаза, а мужественно выдержал тяжелый взгляд шефа. Он работал с полковником Лейном почти два десятка лет и хорошо знал, что в общении с ним главное — терпение. Полковник вспылит, хлопнет ладонью по столу, но затем его аналитический ум разберется в ситуации и поведет его самого и всех, кто следует за ним, в верном направлении. Таким образом, задача подчиненного сводилась к тому, чтобы терпеливо выждать и не попасть под горячую руку. Ригер ответил полковнику не менее выразительным взглядом, который, казалось, говорил: «Ерунда это или не ерунда, но так оно было на самом деле. И как бы вы ни сердились, господин полковник, ничего изменить вы не сможете».

Многоопытный Ригер оказался прав. Через несколько секунд Габриэль Лейн шумно втянул воздух носом. Его мощная нижняя челюсть хищно шевельнулась, широкие скулы напряглись, а густые брови собрались над глубоко посаженными серыми глазами. Полковник откинулся на спинку кресла, кивнул и ворчливо проговорил:

— Хорошо. Что дальше?

— Директор кинотеатра, — Ригер заглянул в бумаги, — Хаим Гросс, был вызван в зал билетершей, — еще один взгляд в бумаги, — Лизой Зальцман. Гросс распорядился закрыть двери кинотеатра и никого не выпускать до приезда нашей группы.